

МСКЛ

Московская студенческая конференция
по теоретической и прикладной лингвистике

в рамках
Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых Ломоносов

Москва, 13 апреля 2007 года

МСКЛ 2007

Московская студенческая конференция
по теоретической и прикладной лингвистике

Москва, МГУ
13 апреля 2007 года

Содержание

Предисловие	1
Практическая информация	2
Тезисы докладов	3
<i>П. М. Аркадьев.</i> Лексические и грамматические параметры аспектуальности	—
<i>А. С. Бердичевский.</i> Пунктуация как средство разрешения неоднозначности	4
<i>А. В. Богданов.</i> Генерическая vs. эпизодическая интерпретация композитов	7
<i>В. С. Волк.</i> Ни-местоимения в русских инфинитивных клаузах	9
<i>И. М. Захарьячев.</i> Фонологические тоны и биты	11
<i>Н. А. Зевахина.</i> Циркумфиксы как показатели актантной деривации	13
<i>И. А. Иосад, П. В. Иосад.</i> Фонологические данные о числе тонов в бирманском языке	14
<i>В. И. Киммельман.</i> Нерегулярные отрицания в русском жестовом языке	16
<i>С. А. Минор.</i> Объектный контроль и интенциональность в русском языке	18
<i>С. А. Оскольская.</i> Показатель глагольной множественности в калмыцком языке	22
<i>Н. В. Перкова.</i> Выражение комитатива в калмыцком языке	23
<i>Е. А. Пшехотская.</i> Значения модальности независимого инфинитива	25
<i>Н. В. Перкова.</i> Выражение комитатива в калмыцком языке	23
<i>Н. В. Рыбинцева.</i> Акциональные классы каузативов в алтайском языке	27
<i>Н. М. Стойнова.</i> Семантика конструкции типа «взять и сделать» в русском языке	30
Литература	34

Предисловие

Дорогие друзья!

Мы рады приветствовать вас на Московской студенческой конференции по теоретической и прикладной лингвистике. Как и в прошлом году, конференция проходит в рамках уникального по своему размаху научного события — Международной конференции студентов, аспирантов и молодых исследователей «Ломоносов». Этот буклет объединяет тезисы докладов МСКЛ 2007, а также практические сведения, связанные с конференцией.

В этом году на МСКЛ была подана 31 работа. Выбор был сложным, потому что каждая из работ была по-своему привлекательна. В итоге нам всё-таки удалось сформировать программу, которая включила 14 лучших докладов.

Конференция никогда не состоялась бы без участия огромного количества людей. Это, прежде всего, рецензенты МСКЛ 2007: А. В. Архипов, В. И. Беликов, А. А. Бонч-Осмоловская, Е. Г. Былинина, П. В. Иосад, Е. А. Лютикова, С. А. Минор, Д. А. Паперно, Б. Х. Парти, А. В. Подобряев, Д. В. Сичинава, М. А. Цюрупа, А. Б. Шлуинский. Неоценимый вклад в организацию МСКЛ 2007 внес заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики А. Е. Кибрик, помогавший организаторам плодотворными обсуждениями проекта и административной поддержкой.

МСКЛ 2007 не была бы такой, какая она есть, без участия спонсора конференции. Спонсор МСКЛ 2007 — компания ЗАО «Авикомп Сервисез», одна из ведущих мировых компаний в области оптимизации бизнес-процессов, в том числе автоматизации документооборота. Важнейшим достижением компании в области прикладной лингвистики является система OntosMiner, выполняющая полный цикл семантико-синтаксической обработки неструктурированных данных на русском, английском и немецком языках в рамках заданной предметной области. В рамках конференции планируется развернуть демонстрационный стенд ЗАО «Авикомп Сервисез», где будут показаны последние достижения компании в области прикладной лингвистики, в частности, решение для Semantic Web, предлагаемое на основе собственных продуктов OntosMiner и Ontos SOA. Мы выражаем благодарность нашим партнерам за поддержку и готовность к сотрудничеству.

Мы искренне желаем вам плодотворной работы на МСКЛ 2007 и надеемся, что очередная конференция серии МСКЛ станет новым витком в развитии теоретической и прикладной лингвистики.

*Филипп Дудчук
Наталья Ивлиева
Александр Подобряев*

Конференция будет проходить на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (Первый корпус гуманитарных факультетов МГУ). По предварительной информации, работа секции будет происходить в ауд. 950 и ауд. 951 этого корпуса. Кафедра теоретической и прикладной лингвистики, организующая конференцию, находится в ауд. 953. В день конференции в ауд. 953 будет расквартирован оргкомитет МСКЛ, там же будет располагаться пункт регистрации участников конференции. В течение перерыва на кофе в ауд. 953 вы сможете расслабиться в окружении коллег и группы буфетного обеспечения.

Вебсайт МСКЛ: <http://www.philol.msu.ru/otipl/new/mscl>

Вебсайт МСКЛ: mscl.organizers@mail.ru

Почтовый адрес

119992 ГСП-2 Москва, Ленинские горы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

1-й корпус гуманитарных факультетов

Филологический факультет

Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

Телефон: (495) 939-26-01.

Лексические и грамматические параметры аспектуальности в адыгейском языке¹

Пётр Михайлович Аркадьев, ИС РАН

Как отмечалось исследователями (см. Рогава, Керашева 1966; Кумахов 1971; Гишев 1989; Paris 1989; Зекох 2002), в адыгейском языке аспектуальные противопоставления реализуются в системе форм прошедшего времени, где имеется «прошедшее совершенное» (претерит, суфф. *гзэ*), обозначающий единичное событие, воспринимаемое в его целостности, и «прошедшее несовершенное» (имперфект, суффикс *-цтыгзэ*), обозначающее событие в развитии (дуративное значение) либо неопределённое повторение события в прошлом (хабитуальное значение). Тем самым, система видовых категорий в адыгейском языке входит в один ряд с отмеченными в языках мира аналогичными системами, представленными, в частности, и в европейских языках (см. Маслов 1978; Dahl 1985; Dahl (ed.) 2000).

Помимо собственно грамматического противопоставления видо-временных форм, адыгейский язык обладает также лексико-грамматическими категориями, непосредственно связанными с аспектуальностью. Во-первых, это фундаментальная для системы адыгского глагола дихотомия динамических и стативных глаголов (см. Рогава, Керашева 1966; Гишев 1989), проявляющаяся, в частности, в устройстве глагольных парадигм и в наборе грамматических категорий, которых у стативных глаголов меньше, чем у динамических. Во-вторых, это «скрытая» категория акциональности («аспектуальный класс» по Vendler 1967, Verkuyl 1989, «таксономическая категория» по Падучева 2004, «акциональный класс» по Tatevosov 2002, Татевосов 2005), которая определяет основные характеристики аспектуального поведения глаголов (ср. Керашева 1995а; Гишев 1989). Для выявления набора акциональных классов в адыгейском языке была использована универсальная эмпирическая процедура, предложенная С. Г. Татевосовым (ук. соч.), заключающаяся в определении набора значений основных видо-временных форм (настоящего времени в актуально-длительном употреблении и претерита) у репрезентативной выборки глаголов и отнесении к одному классу глаголов, имеющих одинаковые наборы значений этих форм. Значения, релевантные для аспектуальной классификации, входят в универсальный набор элементарных акциональных категорий: состояние (S; 'лежать'), процесс (P; 'бежать'), мультипликативный процесс (M; 'кашлять'); вхождение в состояние (ES; 'лечь'), вхождение в процесс (EP; 'побежать'), квант мультипликативного процесса (Q; 'кашлянуть'). В результате последовательного применения указанной процедуры в адыгейском языке были выявлены следующие основные акциональные классы (при названии класса приводится набор значений форм настоящего времени и претерита и примеры глаголов):

- стативный (S; S): *цылъын* 'лежать', *псэун* 'жить';
- инцептивно-стативный (S; ES): *шIэн* 'знать', *лбэгъун* 'видеть';
- процессуальный (P; P): *джэгун* 'играть', *тхэн* 'писать' (неперех.);

¹Материал адыгейского языка был собран во время летних лингвистических экспедиций Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета в ауле Хакуринохабль Шовгеновского района Республики Адыгея в 2004–2006 гг. Работа выполнена при поддержке Фонда Содействия Отечественной Науке, Программ фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН и грантов РГНФ 04-04-18008е и 06-04-00194а.

ингрессивно-процессуальный (P; EP): *кIон* ‘идти’, *быбын* ‘лететь’;
 мультипликативный (M; Q): *куон* ‘кричать’, *ужсунтхэн* ‘плевать’;
 моментальный (—; ES): *дзын* ‘бросить’, *квэон* ‘лопнуть’;
 предельный (P; ES): *лIэн* ‘умирать’, *етын* ‘давать’, *тIын* ‘копать’.

Акциональная система адыгейского языка включает в себя в основном классы, наблюдаемые и в других языках, т.е. типологически релевантные акциональные классы (Татевосов, ук. соч.). Информация об акциональном классе данного глагола имеет большую предсказательную силу: из неё можно вывести, например, допустимые интерпретации форм имперфекта (так, процессуальные и предельные глаголы допускают как хабикулярное, так и дуративное прочтение имперфекта, а моментальные — только хабикулярное) и некоторых нефинитных форм, равно как и деривационные возможности глаголов (ср. Керашева 1995б).

Отдельную интересную проблему представляет сочетаемость глаголов разных акциональных классов с наречиями типа *сыхьатныкво* ‘полчаса’ и *сыхьатныквокIэ* ‘за полчаса’. Набор интерпретаций формы претерита вне сочетаний с наречиями отличается от такового в присутствии наречий, причём предсказуемым и закономерным образом. Это заставляет предположить, что темпоральные обстоятельства в адыгейском языке не просто «подстраиваются» под акциональные значения предиката, но и способны влиять на акциональную характеристику глагольной группы (ср. Güven 2004).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в адыгейском языке существует весьма богатая система аспектуально релевантных единиц, представленных по меньшей мере на трёх уровнях: лексическом, синтаксическом и морфологическом.

Пунктуация как средство разрешения неоднозначности

Александр Сергеевич Бердичевский, МГУ

0. Введение

Известно, что знаки препинания не только организуют письменный текст для облегчения его восприятия читателем, но и передают часть заключенной в тексте информации. В частности, иногда пунктуация, устраняя неоднозначность, служит единственным доступным средством выбора правильной интерпретации текста.

Рассмотрим типичные случаи пунктуационного разрешения неоднозначности. Оговоримся сразу, что приведенный анализ не является классификацией в строгом смысле слова: границы классов и основания их выделения достаточно условны.

На наш взгляд, выделяется два основных класса случаев: а) знаки препинания выполняют только *синтаксическую* функцию; б) знаки препинания выражают также и *семантические* отношения между элементами предложения.

1. Разрешение неоднозначности на синтаксическом уровне

Роль знаков препинания на синтаксическом уровне состоит в основном в указании границ (или отсутствия границ) элементов предложения и / или их сферы действия (СД). Можно выделить три часто встречающихся случая.

1.1. Указание правой или левой границы элемента

- (1) Путин отстоял рождественскую службу и позвонил Ющенко.

Отсутствие запятой перед и показывает, что перед нами одно простое предложение, а не два. Запятая ограничила бы СД подлежащего Путин справа, а сказуемого позвонил — слева, тогда было бы ясно, что подлежащее сказуемого позвонил — Ющенко.

- (2) <...> лица сопровождающие инвалидов 1-ой группы <...> и детей инвалидов, могут получить бесплатный посадочный талон <...> (Правила проезда в общественном транспорте в г. Москве)

Приведенный отрывок разрешает лицам, сопровождающим детей, чьи родители являются инвалидами, получать бесплатный посадочный талон; про здоровье самих детей ничего не говорится. Наверняка допущена ошибка, правильно было бы: детей-инвалидов, дефис показал бы, что элемент предложения не заканчивается.

1.2. Указание обеих границ элемента

Сюда относятся элементы, выделяемые знаками препинания с двух сторон, ср. следующие случаи. Придаточные предложения, находящиеся не в конце сложного:

- (3) а. Справка о том, что больная, не годится.
б. Справка о том, что больная не годится.

Вводные слова и конструкции:

- (4) а. Вы верно перевели этот отрывок? (Розенталь 1996)
б. Вы, верно, перевели этот отрывок?

Обособленные приложения:

- (5) Антонов, судья и Кузнецов.

Отсутствие запятой после *судья* показывает, что перечисляются три человека. Наличие показало бы, что судья не может являться однородным членом перечисления, а значит, является обособленным приложением к Антонов, то есть перечислены два человека (один — судья Антонов, второй — Кузнецов).

1.3. Более сложное структурное ограничение СД элемента

- (6) а. новое, постоянное расписание
б. новое постоянное расписание (адаптировано из HCRC)

В первом случае сообщается, что расписание новое и постоянное (старое было временным). Во втором — что имеется новое постоянное расписание (до него было другое постоянное расписание). Как именно достигается такой эффект? В (6b) в СД новое попадает вся стоящая справа ИГ: постоянное расписание. В (6a) запятая ограничивает СД новое, но

«временно», она лишь сообщает, что постоянное туда не попадает, но когда перечисление однородных определений закончится (что будет отмечено отсутствием запятой) и встретится существительное, то попадет.

2. Разрешение неоднозначности на семантико-синтаксическом уровне

В этот класс попадают случаи, в которых знаки препинания не только указывают границы элементов предложения, но еще и выражают те или иные отношения между ними.

- (7) — Представляешь, X опозорился как лингвист.
— С запятой или без?

Вопрос совершенно законный: если без запятой перед как, то X оказался плохим лингвистом, а если с запятой, то опозорился подобно лингвисту (лингвист выступает некоторым эталоном позора).

- (8) Иначе все, что вам будет слышно, это «что вам угодно?». (Б. Гребенщиков, *Глаз*).

Кавычки (и вопросительный знак) здесь показывают, что что вам угодно является цитатой, инородным включением в текст, и должно рассматриваться самостоятельно, вне связи с основным предложением. Если их убрать, получается: ‘иначе все, что вам будет слышно, это что вам угодно, т. е. ‘будет слышно только то, что вам угодно слышать’.

- (9) Я знаю, *что* она тебе скажет. (Шварцкопф 1988)

Выделение курсивом с большой вероятностью показывает, что на *что* здесь стоит фразовое ударение — тем самым это не союз, а союзное слово (смысл предложения ‘я знаю, что именно она тебе скажет’, а не ‘я знаю, что она тебе скажет то-то и то-то’). Этот пример показывает, что для разрешения неоднозначности могут использоваться не только знаки препинания как таковые, но и пунктуация в широком смысле (средства шрифтового выделения, расположение на странице и пр.).

3. Заключение

Хотя не во всех приведенных примерах пунктуация играет главную роль в выборе правильной интерпретации (часто человек способен сделать это, исходя из здравого смысла), еще раз подчеркнем, что в некоторых случаях без учета пунктуации это невозможно. Особенную важность пунктуация приобретает в юридических текстах (напомним тяжбу о «самой дорогой запятой»: неверная постановка одной запятой в контракте повлекла за собой миллионные убытки (СРТС)). Кроме того, пунктуация может оказаться очень эффективным средством для разрешения неоднозначности в системах автоматической обработки текста, которые на здравый смысл опереться не в состоянии (подробнее об этом см. Бердичевский, Иомдин, в печати).

Генерическая vs. эпизодическая интерпретация номинализаций-композигов в русском языке

Алексей Владимирович Богданов, МГУ

0. Основные понятия

Рассмотрим номинализации-композигов русского языка, удовлетворяющие следующим условиям:

- а. они состоят из именной и глагольной основы;
- б. их корни не являются связанными (значение корня в составе композита сохраняется таким же, как и вне композита);
- в. существительное, соответствующее именной основе композита в исходной конструкции (финитном предложении, опимывающем значение композита), является либо подлежащим, либо прямым дополнением при глаголе, соответствующем глагольной основе композита;
- г. мишенью словосложения является ситуация (композит обозначает ситуацию, а не какого-либо из ее участников).

Примеры композитов, удовлетворяющих таким условиям:

- (1) самолетостроение, потовыделение, кормодобывание, кровотечение, снегопад

Примеры композитов, не удовлетворяющих таким условиям:

- (2) мореплавание, ледокол, марсоход, автодоеение, источниковедение, лесоруб

Как показано в Baker 1988 и подробнее для русского языка в Богданов 2005, инкорпорироваться может только глубинный объект — подлежащее неаккузативного глагола или прямое дополнение переходного. Другими словами, если именная основа является исходным подлежащим, это означает, что исходный глагол — неаккузативный.

Генерическим значением будем называть такое, о котором говорится в Carlson & Pelletier 1995. Для ясности приведем примеры финитных предложений русского языка с эпизодическим и генерическим значением предиката.

- (3) а. Сейчас я нахожусь в ресторане и пью джин.
б. Я пью джин в этом ресторане по пятницам.
с. Я пью джин, но я пробовал его всего один раз в жизни.

Предложение (3а) имеет эпизодическую интерпретацию, предложение (3б) имеет генерическую (хабитуальную) интерпретацию, а предложение (3с) имеет генерическую, но не хабитуальную интерпретацию. Таким образом, под генерической интерпретацией мы, вслед за Rimell 2004, понимаем в том числе и хабитуальную, но не ставим знак равенства между ними.

1. Тесты на эпизодичность для номинализаций

Для определения возможности эпизодической интерпретации у данной номинализации будем использовать следующие тесты:

Тест 1: Возможность номинализации выступать в контексте «частые ...»

- (4) частые потовыделения, частые кровотечения, *частые самолетостроения, *частые кормодобывания

Выбор данного теста обусловлен двумя факторами:

1. Возможность образования множественного числа от номинализации свидетельствует о том, что данная лексема способна обозначать одну ситуацию (как в примере (3а)) — именно эта способность делает возможной образование множественного числа для обозначения нескольких ситуаций.
 2. Контекст с «частые» позволяет отфильтровать случаи, в которых номинализация перестает обозначать собственно ситуацию, но обозначает некоторые ее результаты (ср. (5) и (6)).
- (5) а. *потовыделения* (= результаты выделения пота)
 б. *словотолкования* (= (разные) результаты толкования слов)
- (6) а. *частые потовыделения* (\neq результаты выделения пота)
 б. **частые словотолкования* (\neq (разные) результаты толкования слов)

Тест 2: Возможность номинализации выступать в контексте «произошло / произведено ...»

- (7) произошло потовыделение, произошло кровотечение, *произведено/произошло самолетостроение, *произведено/произошло кормодобывание

Выбор данного теста обусловлен тем, что в данном контексте номинализация должна обозначать единичную ситуацию (эпизодическая интерпретация). Выбор между произошло и произведено сделан для того, чтобы тест мог быть применен к номинализациям как от агентивных предикатов, так и от неагентивных.

2. Анализ номинализаций-композигов с помощью двух тестов

	<i>композит</i>	<i>тест 1</i>	<i>тест 2</i>
неаккузативы	кровотечение	частые кровотечения	произошло кровотечение
	потовыделение	частые потовыделения	произошло потовыделение
	парообразование	? частые парообразования	произошло парообразование
	камнепад	? частые камнепады	произошел камнепад
	снеготаяние	? частые снеготаяния	произошло снеготаяние
переходные	землетрясение	частые землетрясения	произошло землетрясение
	самолетостроение	* частые самолетостроения	* произведено самолетостроение
	сталеварение	* частые сталеварения	* произведено сталеварение
	книгопечатание	* частые книгопечатания	* произведено книгопечатание
	торфодобывание	* частые торфодобывания	* произведено торфодобывание
	бомбометание	* частые бомбометания	? произведено бомбометание
	табакокурение	* частые табакокурения	* произведено табакокурение

В таблице показано, что разбиение композитов с помощью описанных тестов совпадает с разбиением по неаккузативности / переходности их глагольных основ.

Заметим, что среди обеих групп номинализаций встречаются как предельные, так и непредельные глагольные основы.

Заметим также, что исходными конструкциями для *потовыделение*, *парообразование*, *землетрясение* являются соответственно *пот выделяется*, *пар образуется*, *земля трясется*. Такие глаголы, как подробно описано в Narves 2006, являются неаккузативными (они отличаются от обычных переходных, например, тем, что в возвратной форме при них невозможно агентивное дополнение — **пот выделяется мальчиком*).

3. Заключение

При условии, что данные, представленные в таблице, верны, можно утверждать, что в русском языке неаккузативные глаголы отличаются по некоторым свойствам от переходных, что является нетривиальным фактом, так как традиционно считается, что структурно эти два типа глаголов устроены одинаково. Объяснение данных особенностей — задача дальнейшего исследования.

Ни-местоимения в русских инфинитивных клаузах

Виталий Сергеевич Волк, МГУ

Известно, что *ни*-местоимения в русском языке (в финитных клаузах) могут занимать позицию, недоступную для именных групп с той же ролью без специального прагматического статуса:

- (1) а. Я не хочу видеть эту ворону.
 б. Я не хочу видеть никого.
- (2) а. Я эту ворону не хочу видеть.
 б. Я никого не хочу видеть.

В предложении (2а) ИГ «эту ворону» интерпретируется (в зависимости от интонационного контура предложения) как фокализованная / топикализованная и, таким образом, прагматически выделенная; в предложении (2б) ИГ «никого» может интерпретироваться как прагматически нейтральная. В работе Brown 1999 было предложено считать, что *ни*-местоимения подвергаются в (2б) и подобных случаях передвижению в спецификатор функциональной проекции NegP, возглавляемой отрицательной частицей «не» и находящейся где-то в функциональной части клаузы между VP и итоговой позицией подлежащего.

Несколько более сложная ситуация наблюдается с *ни*-местоимениями в сложных предложениях с инфинитивом. Известно, что лицензировать *ни*-местоимения в инфинитивном обороте может как внутреннее отрицание (3), так и отрицание на матричном глаголе (4).

- (3) Я попробую никого не забыть.
- (4) Никогда ничего не хочу читать.

При этом, как можно предположить из примеров (5а) и (5b) в инфинитивной клаузе существует аналогичная NegP-позиция для выноса *ни*-местоимений перед глаголом.

- (5) а. Я попробую никого не забыть. (=3)
 б. ?? Я попробую Васю не забыть.

Но ее уже нельзя рассматривать как возглавляемую глагольным отрицанием, потому что отрицание в главной клаузе также может вызывать перемещение.

- (6) а. ?? Я не хочу «Винни-Пуха» читать.
 б. Я не хочу ничего читать.

Предметом нашего дальнейшего рассмотрения станет следующий естественный вопрос: правда ли, что в примерах (5) и (6) *ни*-местоимение перемещается в одну и ту же предглагольную позицию, находится ли эта позиция в зависимой клаузе, и если да, что вызывает это перемещение, когда отрицание находится в главной клаузе?

Как показано в Kazenín, ms, мощным инструментом для определения позиции составляющей в русском предложении являются разновидности эллипсиса глагольной группы. Поскольку эллипсису подвергаются составляющие целиком, если при эллипсисе подставляющая эллиптируемой группы может сохраняться, значит, она подвергается передвижению за ее пределы. Поскольку в некоторых случаях можно точно определить, какая именно функциональная вершина лицензирует эллипсис своей сестры, можно установить взаимное расположение этой функциональной вершины и интересующей нас составляющей. Для наших целей релевантен эллипсис инфинитива с финитным антецедентом (ЭИФА) (*Я никогда не курил траву и тебе не советую курить траву*). Можно показать, что при ЭИФА эллиптируется сестра функциональной проекции, отвечающей за полярность предложения — ΣP в терминах Kazenín, ms (при этом, как показано в Kazenín, ms, эта проекция не совпадает с NegP и в случае финитной клаузы находится выше — таким образом, в предложении существуют две проекции, связанные с отрицанием). Запрет на предложения типа (6b) показывает, что *ни*-местоимения находятся в зависимой клаузе и ниже ΣP .

- (6) а. ? Я ничего не видел и не хочу ничего видеть.
 б. * Я ничего не видел и не хочу ничего.
 с. Я ничего не видел и не хочу.

Это хорошо согласуется с тем, как происходит *нет*-эллипсис в финитных клаузах (Kazenín, ms).

- (7) * Петя кого-то видел, а я никого нет.

Однако для нефинитных клауз есть некоторые основания считать, что *ни*-местоимения вообще никуда не передвигаются. Дело в том, что если бы в нефинитных клаузах существовала отдельная *ни*-позиция, ожидалось бы, что возможно передвижение в эту позицию через границы клаузы, аналогичное (2b). Однако примеры типа (8) показывают, что такое невозможно.

(8) *Он может никого не позволить мне поцеловать.

В таком случае обратный нормальному порядок следования глагола и дополнения в подозреваемых на *ни*-перемещение примерах, подобных (3) и (6b) можно объяснить тем, что легкие дополнения в русском языке, как правило, ставятся непосредственно перед глаголом.

(9) Я не хочу его слушать.

Таким образом, оказывается, что функциональная часть инфинитивных клауз в русском языке устроена отлично от функциональной части финитных — в ней как таковая отсутствует проекция NegP и перемещение *ни*-местоимений в нее, следовательно, невозможно.

Фонологические биты и коды

от «просодии внутри гласных» к теории поверхностных, фонемных и морфофонемных инвентарей
(на примере ударения и редукции в мунстерском диалекте ирландского языка)

Иван Михайлович Захарьяцев

Мы рассматриваем связь между глубинными фонологическими представлениями, просодией и поверхностными формами; примером распространённого явления из этой области может служить редукция безударных гласных. Было бы интересно получить объяснительную теорию, которая бы указывала (не)возможность тех или иных сегментных инвентарей в языках, и связать её с моделями процессов, приводящих к аллофонии, морфофонемных чередований и, возможно, диахронических изменений. Мы стремимся к «скудной» теории: её утверждения должны вытекать только из свойств примитивов, взятых за основу, без привлечения произвольных дополнительных условий; это призвано обеспечить строгость предсказаний.

1. Вклад

- (1) В этой работе нам удаётся дать стройный анализ сложных моделей постановки ударения и редуцирования в мунстерском диалекте ирландского языка (M.I.) — мы опираемся на Green 1996a, b, 1997, где представлены данные и сделана предыдущая попытка их объяснить исходя из общей теории. Предлагаются экспериментальные общетеоретические построения:
- a. Простое устройство просодической системы, работающей по единым законам над уровнем и ниже уровня моря («внутри гласных»). Её действие мы наблюдаем в M.I.
 - b. Коды в качестве примитивов теории: одни и те же коды (последовательности битов) являются и глубинными, и поверхностными представлениями, а также листьями просодической структуры; предсказания о том, какие сегментные инвентари (не)возможны и каково может быть соотношение между глубинными и поверхностными инвентарями, вытекают из естественных принципов кодирования.

Мы подкрепляем утверждения примерами из синхронии и диахронии некоторых других языков. Направление дальнейших исследований: Насколько, развивая такой подход, можно приблизиться к универсальной теории?

2. Устройство (для М.І.)

Просодическая система рекурсивна (одни и те же законы работают на каждом уровне иерархии). Составляющие могут быть «асимметричными»; пример, асимметричного колона: $(ft \mu)_k$, здесь μ — мора, ft — стопа. И в идеале именно асимметричные составляющие несут на себе ударение. Это требование «гармоничности» несущих ударение составляющих (= просодически *сильных*) объясняет большую часть моделей постановки ударения не в начале слова в М.І. (см. схему (А)), в том числе и проблематичный случай /ax/, ударяемого во 2-ой позиции! Важная для понимания случая /ax/ идея состоит в том, что в отличие от других лёгких слогов в этом случае мы имеем дело с внутренне асимметричной составляющей уровня моры: $((xx) x)_\mu$, где x — это «бит»; ср.: слоги с долгими гласными/дифтонгами — это асимметричные стопы: $(\mu \text{э})_{ft}$ или $(\text{э} \mu)_{ft}$ (и они тоже притягивают ударение). *Плоский реализационный модуль* обеспечивает каждой море слова «окно на поверхность»: все окна *маленькие*, размером 2 бита, за исключением одного *большого*, размером 4 бита. Предпочтительно, чтобы большое окно было в начале слова. 2-битовое окно достаточно велико только для швы, 4-битового хватает для полноценной гласной. Ударная мора должна соответствовать большому окну. Это объясняет постановки ударения в начало слова, редукции гласных и отсутствие редукций в начале слова (явления, присущие и другим ирл. диалектам). В М.І. /x/ захватывает 1 бит окна, что и приводит к указанной ранее асимметрии /ax/. Ср. немецкое /x/, укорачивающее предшествующую гласную, например: $\bar{l}\ddot{a}.chen$ vs. $\bar{l}\ddot{a}.gen$.

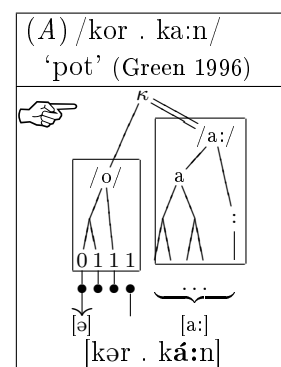
3. Теория кодов

Мы действительно воспринимаем «биты» как биты информации, последовательности которых кодируют фонетические признаки. Более того, просодическая система напрямую работает с битами как с атомарными составляющими. Из простых принципов о кодах могут быть выведены предсказания.

Аллофоны, получающиеся в результате редукции, представляют собой укороченные коды. М.І.: т.к. в М.І. наблюдается только одна редукция — из любой гласной в э (не принимая в расчёт ассимиляции), общее начало всех кодов гласных — это код э: 0. /a/ представлено 3 битами (заметьте, это было выявлено просодическими явлениями!): 000. Остающиеся 4 гласных /i, e, u, o/ проще всего реализуются кодами: 0100, 0101, 0110, 0111. Бóльшей длиной кодов (в сравнении с /a/) объясняются и случаи «вынужденной» редукции этих гласных: её вызывает сужение окна по какой-либо причине; это примеры (1a, b), (13f, g) Green 1996 (соответствующие глубинные представления см. в Green 1997). (Схема (А).)

Глубинные коды должны быть самоограниченными. М.І.: поэтому анализы с использованием глубинной э нежелательны.

А есть языки с глубинной швой, например, французский, но — вследствие этого — без редукции (если предполагать, что все биты кода швы значимы): код глубинной э не может быть началом другого кода.

4. Морфонология

Самоограниченность не требуется на границах морфем: там ограничителями служат границы (известно, что они видны фонологии, ср., например, McCarthy&Prince 1993). Поэтому неполноценный/недоопределённый глубинный код может появиться на границе морфемы: возможно, таковы некоторые швы в М.И. ((13с) Green 1996: переразложение “*tə-basso*”; ср. швы в других языках в особых позициях, например, в нем. аффиксах?). А недоопределённый код (сочетаясь с другими кодами) порождает морфонологическое чередование: при этом у альтернантов могут быть наблюдаемые общие фонетические признаки, а могут не быть (и быть чисто формальными).

Циркумфиксы в русском языке как показатели актантной деривации

Наталья Александровна Зевахина, МГУ

Данная работа посвящена анализу циркумфиксов как показателей актантной деривации в русском языке, например: *читать* → *зачитаться*, *работать* → *доработаться*. Ср.:

- (1) В этом году российские издательства обещают более активно представить Россию и заставить немцев зачитаться произведениями Акунина, Улицкой, Дашковой и Маканина. (НКРЯ)
- (2) В нем он *доработался* до редких по живописи кусков. (НКРЯ)

В обоих примерах глаголы имеют циркумфиксы. Однако если в примере (2) происходит актантная деривация, то в примере (1) о ней говорить не приходится, ср.: *работать* → *доработаться до X-а*; но *читать X* → *зачитаться X-ом*.

Ограничимся рассмотрением циркумфиксов, состоящих из префиксального элемента¹ и постфиксального *ся* (в РГ-80 такие глаголы называются префиксально-постфиксальными²).

Традиционно считается, что префиксально-постфиксальные глаголы выражают совершаемость (способ) глагольного действия (ср. Исаченко 1960). Однако при этом зачастую можно наблюдать изменение модели управления глаголов, что проявляется в изменении поверхностного выражения участников или появлении новых / удалении имеющихся участников (ср. Грунтова 2006). Во втором случае принято говорить об актантной деривации.

Можно выделить три типа актантной деривации, представленной циркумфиксами:

- повышающая (*допрыгаться*, *отсидеться*);
- интерпретирующе-повышающая³ (*дочитаться*);

¹В РГ-80 упоминаются 16 префиксов, участвующих в образовании циркумфиксов, а именно: *в, в3, вы, до, за, на, о, об, от, под, при, про, раз, с, у*.

²Наряду с ними выделяются еще и префиксально-суффиксальные (*задымить*) и суффиксально-постфиксальные (*гордиться*).

³Данный тип можно рассматривать как разновидность повышающей деривации. Здесь же он назван интерпретирующе-повышающей только потому, что обязательным условием повышающей деривации в данном случае является интерпретирующая, которая понимается как «изменение референциальных характеристик исходной ситуации» (Плунгян 2000).

В фонетическом исследовании Златоверхова 1966 все четыре категории рассматриваются как «тоны» (однако отмечено, что тон 4 встречается лишь в «закрытых» слогах, притом что слоги с носовой финалью рассматриваются как «полузакрытые»). В работе Wheatley 1987 тон 4 также рассматривается как контекстный вариант гласного в контексте гортанной смычки в коде, а гласные с тоном 1 — как дистинктивные со скрипучей фонацией (тогда тональные противопоставления в соответствующих слогах снимаются).

В основном эти выводы делаются на основе фонетических данных. В настоящей работе мы покажем, как данные (мор)фонологии могут пролить свет на этот вопрос.

Как отмечено в грамматике Okell 1969, «скрипучий» тон (тон 1) может появляться в ряде грамматических контекстов. Ср. (2) и (3):

- (2) руа¹- ме²
показать- FUT
‘(Они) покажут’
- (3) руа¹- ме¹ за⁴ка³
показать- FUT1 фильм
‘фильм, который покажут’

В ряде случаев распространяющейся скрипучий тон находится в дополнительном распределении с сегментной морфемой, которая сама несет скрипучий тон, но не переносит его на соседние морфемы: ср. *hna-hse²-ne¹ thoun³hku¹* (‘двадцать-и три-предмета’), но *hna-hse¹ thoun³hku¹* (‘двадцать три-предмета’); в других случаях морфемы могут распространять скрипучий тон на соседние, но не исчезать.

В докладе мы предлагаем анализ этих явлений в рамках теории оптимальности Prince & Smolensky 1993], в котором ключевую роль играет ограничение PARSE MORPH, требующее, чтоб все морфемы из глубинного представления имели хотя бы какое-то соответствие на поверхностном уровне: если удаляется сегментная морфема, таким соответствием становится скрипучая фонация, что обеспечивается ограничением семейства MAX. С морфологической точки зрения мы явно имеем дело с морфемами, у которых в роли одного из алломорфов выступает либо плавающий признак (ср. яванские элативы Dudas 1968) либо тон (ср. всю главу 5 в Yip 2002).

Как отмечено в Green 1994, скрипучий тон может также выступать при заимствовании слов с исходом на носовой + взрывной: *rain¹* ‘пинта’ (англ. *pint*).

С фонологической точки зрения можно было бы описать систему, подобную бирманской, в терминах двух тонов и двух регистров (ср. Yip 2002), однако мы предполагаем, что дистрибутивные критерии заставляют считать по крайней мере тон 4 контекстной реализацией гласных перед гортанной смычкой в коде. В этом случае объяснима скрипучая фонация в словах типа *rain¹*.

Фонетические различия между тонами в таком случае сводятся к наличию или отсутствию гортанной смычки на поверхности (что хорошо согласуется с большей краткостью тона 4). В теории оптимальности нейтрализация противопоставления по тону в слогах с гласными [+constricted glottis] (или [+ATR] (Bradley 1982)) должна обеспечиваться ограничением наподобие *ATR/Tone.

В предлагаемом докладе предлагается полный анализ рассмотренных данных в терминах теории оптимальности. Показано, что бирманский тон 1 необходимо рассматривать как присутствующую на глубинном уровне скрипучую фонацию (в отличие от тона 4, где фонация является коартикуляционным эффектом): в частности, это позволяет лучше описать автосегментное распространение тона 1 в контексте геометрии тональных признаков Bao 1990, а также не требует постулирования тернарного контраста (как в Bradley 1982).

Нерегулярные отрицания в русском жестовом языке¹

Вадим Игоревич Киммельман, РГГУ

Русский жестовый язык (РЖЯ) — естественный язык общения глухих на территории России. В последнее время в России жестовый язык является объектом лингвистических исследований (Прозорова, в печати). Отрицание в жестовых языках мира описано в статье Zeshan 2004, существует также очерк отрицания в РЖЯ Зайцева 2006.

В разных жестовых языках наблюдается необычное для звучащих языков явление: большое количество жестов имеют нерегулярные пары-отрицания (нерегулярность бывает разных типов: супплетивные пары, нерегулярные морфологические изменения). Обычно это глаголы со значениями знания, эмоционального поведения, модальные глаголы, глаголы со значением времени (бытийные глаголы), показатели вида, глаголы оценки (Zeshan 2004: 50). В РЖЯ присутствуют нерегулярные отрицания со всеми этими значениями:

глаголы знания: НЕ.ЗНАТЬ, НЕ.ПОНИМАТЬ, НЕИЗВЕСТНО;

глаголы эмоционального поведения: НЕ.ХОТЕТЬ, НЕ.НРАВИТЬСЯ, ВСЕ.РАВНО;

модальные глаголы: НЕ.МОЧЬ, НЕ.НУЖНО;

временные и видовые показатели: НЕ.БУДЕТ, НЕ.БЫЛ, ЕЩЕ.НЕТ (=РАНО);

глаголы оценки: НЕ.ПРАВИЛЬНО, НЕ.ВОЗМОЖНО, НЕ.ХВАТАЕТ;

В РЖЯ есть также глаголы, которые не упомянуты в статье Zeshan 2004 — глаголы восприятия: НЕ.ВИДЕТЬ, НЕ.СЛЫШАТЬ и глагол НЕ.ДАТЬ.

Рассмотрим более подробно особенности глаголов с нерегулярным отрицанием.

Жест состоит из 4 основных компонентов (Battison 1978):

1. Форма руки.
2. Локализация (место исполнения жеста).
3. Движение.
4. Ориентация ладони и пальцев по отношению к телу.

¹Принятые обозначения: КАПИТЕЛЬ — жесты РЖЯ; НЕ.ГЛАГОЛ — жесты РЖЯ с нерегулярным отрицанием.

Регулярное глагольное отрицание в РЖЯ выражается либо частицей (НЕ, НЕТ и др.), следующей за глаголом, либо клитикой (начальная локализация отрицательного жеста ассимилируется с конечной локализацией глагола).

Глаголы с нерегулярным отрицанием с морфологической точки зрения бывают 3 основных типов:

1. Супплетивные пары: ни один из компонентов положительной и отрицательной форм глагола не совпадают (НЕ.МОЧЬ, НЕ.ХОТЕТЬ и др.).
2. Квазисупплетивные пары: совпадает начальная локализация положительной и отрицательной форм глагола (НЕ.ВИДЕТЬ, НЕ.СЛЫШАТЬ и др.).
3. Глаголы с аффиксом отрицания: в отрицательной форме вычленяется отрицательная часть и глагольная основа, но в глагольной основе происходят различные изменения.

Глаголы с нерегулярным отрицанием 2 типа интересны тем, что к ним относятся только 4 глагола 2 семантических классов: глаголы восприятия ВИДЕТЬ и СЛЫШАТЬ, и глаголы сознания ЗНАТЬ и ПОНИМАТЬ. В парах ВИДЕТЬ—НЕ.ВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ—НЕ.СЛЫШАТЬ, общая для пары локализация (глаза и уши соответственно) связана с органом восприятия, а в парах ЗНАТЬ—НЕ.ЗНАТЬ, ПОНИМАТЬ—НЕ.ПОНИМАТЬ локализация (лоб и висок) также связана с местом «знания» и «понимания». Основной особенностью глаголов с нерегулярным отрицанием 3 типа является то, что во всех этих глаголах выделяется отрицательный компонент: движение, аналогичное движению жеста НЕ — резкое движение по направлению вниз в сторону от себя. В то же время в основе глагола и в отрицательном компоненте могут происходить различные изменения: редукция движения основы, смена формы руки жеста НЕ на форму руки основы, изменение начальной локализации отрицательного жеста.

Чем можно объяснить такие изменения? В книге Battison 1978 выдвигается предположение, что жесты стремятся к структурной простоте. В статье Sandler 1999 выделяются основные ограничения на структуру и сложность жеста:

- Ограничение на место: только одно место исполнения возможно для одного слова.
- Ограничение на движение: только одно движение возможно для одного слова.
- Ограничение на форму руки: только одна форма руки возможна для одного слова.

Как представляется, нерегулярные отрицания 3 группы образовались следующим путём:

1. Клитизация: независимая частица НЕ меняет свою начальную локализацию (на уровне груди) на конечную локализацию глагольной основы (например, в случае сочетания с глаголом ДУМАТЬ, на уровень виска).
2. Аффиксация:
 - а. Движение основы редуцируется или исчезает (например, исчезает движение сгибания кисти глагола МОЧЬ).

- b. Форма руки в отрицательной части жеста (открытая ладонь для НЕ) становится той же, что и в основе (например, в глаголе НЕ.МОЧЬ отрицательная часть жеста получает форму сжатого кулака, то есть ту же форму руки, что имеет глагол МОЧЬ).

То есть сначала жест из последовательности двух жестов превращается в один сложный (с двумя движениями) жест, потом этот жест утрачивает одно движение, но сохраняет 2 различные формы руки, а потом одна из форм руки утрачивается. Получившийся в результате жест имеет движение отрицательного жеста НЕ и форму руки исходного положительного жеста-основы.

Следовательно, на примере нерегулярных отрицаний возможно построить следующую иерархию ограничений на сложность для РЖЯ:

односложность > форма руки > место

1. Односложность нарушают клитики.
2. Ограничение на форму руки нарушают жесты типа НЕ.НУЖНО
3. Ограничение на место исполнения нарушает большинство жестов кроме (НЕ.НУЖНО(2), НЕ.СЛЫШАТЬ)

По-видимому, ограничение на место исполнения в области нерегулярного отрицания в РЖЯ нерелевантно.

Объектный контроль и интенциональность в русском языке

Сергей Александрович Минор, МГУ

0. Введение

Данный доклад посвящен анализу конструкций типа (1).

- (1) Вася попросил кого-нибудь открыть окно.

Специфика этих конструкций заключается в том, что прямое дополнение вершинной клаузы выражено неопределенным местоимением «кто-нибудь», которое употребляется только в интенциональных контекстах (ср. примеры (2–3)).

- (2) a. Если кто-нибудь придет, позови меня.
 b. Я хочу, чтобы ты позвал кого-нибудь к ужину.
- (3) a. *Я видел кого-нибудь на улице.
 b. *Я сказал, что кто-нибудь открыл окно.
 c. *Я сказал кому-нибудь, что Вася выиграл приз.

Интерпретация примера (1) также такова, что квантор существования должен находиться в сфере действия интенционального оператора:

1. НЕФОРМАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИМЕРА (1) (первое приближение)
 Во всех мирах, совместимых с тем, что Вася хочет (или сказал, что хочет), существует человек X , который открыл окно.

Именно такую интерпретацию имеет предложение (4), в котором предикат «просить» подчиняет клаузу, вводимую союзом «чтобы»:

(4) Вася попросил, чтобы кто-нибудь открыл окно.

Отметим, что синтаксически ИГ «кого-нибудь» в примере (1) (в отличие от примера (4)) не находится в зависимой клаузе. Так, не допускается линейное расположение этой ИГ между элементами зависимой клаузы:

(5) а. Вася попросил кого-нибудь за директором сбегать.
 б. ??Вася попросил за директором кого-нибудь сбегать.

1. Анализ с «реконструкцией»

Возможность подобной интерпретации при подобной поверхностной синтаксической структуре характерна для т. н. конструкций с подъемом аргумента, например, для конструкций с модальными предикатами:

(6) Someone from New York is likely to win the lottery.

Это предложение может иметь интерпретацию, при которой неопределенное местоимение интерпретируется в сфере действия интенционального оператора *is likely*, приблизительно такую: во всех вероятных мирах существует человек из Нью-Йорка, который выиграл лотерею. Один из самых распространенных анализов подобных конструкций, базовые идеи которого заложены еще в работе Rosenbaum 1967, заключается в том, что субъект в данной конструкции синтаксически перемещается из позиции субъекта инфинитивной клаузы в позицию субъекта вершинной клаузы, однако интерпретироваться он может в своей исходной позиции.

[is likely [someone from New York to win the lottery]].

Такая операция смещения «интерпретации» поднятого аргумента в исходную позицию перемещения получила название «реконструкция». Аналогичный анализ примера (1) позволяет получить интерпретацию I:

[Вася попросил [кого-нибудь открыть окно]].

[[просить]]^w = $\lambda P.\lambda x.w'[R(w')(w)(x) \rightarrow P(w')]$,

где R — «отношение доступности» между реальным миром w и другими мирами, которое определяет множество миров, таких что они совместимы с тем, что x (сказал, что) хочет в w ;

P — пропозиция (тип $\langle s, t \rangle$), которая соответствует значению инфинитивной клаузы;

x — индивидуальная переменная (тип e).

Таким образом, предложение (1) анализируется как конструкция с подъемом аргумента и оказывается синонимично предложению (4). Однако между конструкциями типа (1) и (4) наблюдается существенное различие: в конструкции типа (1), но не в конструкции типа (4), вершинный предикат *просить* накладывает семантические ограничения на роль человеком X в интерпретации I и действием, выраженным инфинитивной клаузой. Грубо говоря, в конструкциях типа (1) X должен быть сознательным каузатором действия, выраженного инфинитивной клаузой. Ср. примеры (7):

- (7) а. Вася попросил, чтобы на стене висела какая-нибудь картина.
 б. *Вася попросил какую-нибудь картину висеть на стене.

Это ограничение аналогично ограничению, которое предикат *просить* накладывает в конструкции с дополнением, выраженным референтной ИГ (т. е. в стандартных случаях объектного контроля):

- (8) а. Вася попросил Петю открыть окно.
 б. *Вася попросил эту картину висеть на стене.

Анализ с реконструкцией неопределенной ИГ в зависимую клаузу не допускает возможности существования подобных семантических ограничений, накладываемых вершинным предикатом, так как он предполагает, что аргументом вершинного предиката является вся пропозиция целиком. И действительно, в классических конструкциях с подъемом аргумента вершинный предикат не накладывает подобных ограничений на отношение между поднятым аргументом и ситуацией, выраженной зависимой клаузой, он может накладывать ограничения только на всю пропозицию, выраженную зависимой клаузой.

2. Анализ *in situ*. Интенциональные кванторы

Для того, чтобы вершинный предикат мог накладывать описанные ограничения необходимо, чтобы неопределенная ИГ в конструкциях типа (1) интерпретировалась вне зависимой клаузы. Один из возможных подходов — считать, что неопределенная ИГ интерпретируется в своей поверхностно-синтаксической позиции дополнения предиката *просить*, и при этом усложнить семантический тип предиката *просить*. Подобный подход применил Ричард Монтегю при анализе переходных интенциональных глаголов (см. Montague 1973).

Тогда тип предиката просить будет $\langle\langle e, t \rangle, \langle\langle s, \langle\langle e, t \rangle, t \rangle\rangle, \langle e, t \rangle\rangle\rangle$, то есть это функция от трех аргументов, первый из которых — инфинитивное дополнение, которое в этом случае имеет тип $\langle e, t \rangle$, второй (неопределенное — интенциональный квантор с типом $\langle s, \langle\langle e, t \rangle, t \rangle\rangle$, и третий — индивид с типом e . Такой анализ позволяет написать постулат значения (о постулатах значения в связи с предикатами контроля см. Chierchia 1984, Dowty 1985), выражающий необходимые семантические ограничения.

Пусть есть предикат CAUSE с типом $\langle\langle e, t \rangle, \langle e, t \rangle\rangle$, значение которого можно сформулировать следующим образом:

$$\llbracket \text{CAUSE} \rrbracket = \lambda P. \lambda x. [x \text{ сознательно каузирует реализацию } P]$$

(ср. похожую формулировку постулата значения для глагола *try* в Dowty 1985).

Тогда постулат значения для глагола *просить* можно сформулировать следующим образом:

$$\llbracket \text{просить}(P)(\rho)(x) \rrbracket^w \rightarrow \llbracket \forall w' [R(w')(w)(x) \rightarrow \rho(w')(\text{CAUSE}(P))] \rrbracket^w$$

Т.е. значение предложения (1) можно переформулировать так:

II. НЕФОРМАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИМЕРА (1)

Во всех мирах, совместимых с тем, что Вася хочет (или сказал, что хочет), существует человек X, который сознательно каузировал реализацию ситуации открытия окна¹.

3. Анализ с синтаксической декомпозицией вершинного предиката

Альтернативным подходом к анализу конструкций типа (1), может быть подход, постулирующий существование в синтаксисе фонологически пустой вершины CAUSE, интерпретирующейся так же, как и в пункте 2. Тогда синтаксическая структура предложения (1) будет выглядеть так:

$$\llbracket \text{Вася попросил} [\text{кого-нибудь CAUSE} [\text{открыть окно}]] \rrbracket$$

В этом случае тип предиката *просить* можно упростить до $\langle \langle s, t \rangle, \langle e, t \rangle \rangle$.

Выбор между подходами 2 и 3 — это выбор между (относительно) сложной семантикой с (относительно) простым синтаксисом и более простой семантикой с более сложным синтаксисом. Очень похожие альтернативы обсуждаются в литературе о переходных интенциональных предикатах (см. Montague 1973, Partee 1974, Larson, den Dikken, Ludlow 1997). Однако важно, что оба эти подхода в отличие от подхода 1 позволяют уловить семантические ограничения, накладываемые вершинным предикатом.

4. Дополнительные загадки

Окончание доклада посвящено обсуждению с точки зрения предложенных подходов еще двух особенностей рассматриваемых конструкций. Это, во-первых, поведение возвратных притяжательных местоимений в составе кванторной ИГ. Ср.:

- (9) а. Вася попросил своих друзей сходить в магазин.
- б. ?? Вася попросил кого-нибудь из своих друзей сходить в магазин.
- с. Вася попросил кого-нибудь из нас сходить в магазин.

Большинством носителей примеры (9а) и (9с) оцениваются как допустимые, однако примеры типа (9б) многие носители оценивают хуже. Мы обсудим возможность семантического и семантического объяснения этого контраста в приемлемости.

И во-вторых, мы рассмотрим еще два семантических ограничения, которые имеют место в конструкциях типа (1) в отличие от конструкций типа (4). Ср. следующие примеры:

¹При таком анализе кореферентность субъекта каузации и субъекта пропозиции *P* заложена в семантике предиката CAUSE. Альтернативный подход может заключаться в том, что CAUSE имеет тип $\langle t, \langle e, t \rangle \rangle$, а кореферентность субъектов вычисляется синтаксическими правилами установления контролера PRO при инфинитиве. Недостатком последнего подхода является то, что он неверно предсказывает допустимость предложений, типа:

- (i) *Вася попросил кого-нибудь, чтобы он открыл окно.

- (10) а. Вася попросил, чтобы какой-нибудь адвокат разобрался с этим делом.
 б. [?]Вася попросил какого-нибудь адвоката разобраться с этим делом.

Предложение (10а) может быть употреблено в случае, если нет никакого заранее определенного непустого множества адвокатов, определяющее рестриктор квантора существования. Более того, в реальном мире это множество может быть пустым (если, например, все адвокаты неожиданно вымерли, а Вася об этом не знал в момент просьбы). Предложение же (10б) невозможно в такой ситуации. Оно предполагает, что существует определенное непустое множество адвокатов, один из которых и должен совершить некоторое действие. Более того, именно рестриктор квантора в конструкциях типа (1), но не в конструкциях типа (4) определяет адресата просьбы. Так, пример (10а), в отличие от примера (10б), будет истинным в ситуации, если Вася обратился с просьбой к своему начальнику. Пример (10б) может быть истинным только в ситуации, в которой Вася обращается с просьбой к некоторой группе адвокатов, и просит, чтобы один из них совершил некоторое действие.

В докладе будет предложен предварительный анализ указанных контрастов в интерпретации.

Показатель глагольной множественности в калмыцком языке в сопоставлении с другими монгольскими языками

Софья Алексеевна Оскольская, СПбГУ

В некоторых монгольских языках существует показатель глагольной множественности, который употребляется нерегулярно. Возникает ряд вопросов: является ли этот показатель всего лишь согласованием по числу, и в каких случаях он может (а в каких — не может) употребляться?

В работе Шевернина 1985: 141 отмечается несколько особенностей в употреблении показателя *sgaa* в монгольском языке:

1. Употребляется «только по отношению к одушевленному исполнителю действия».
2. Имеет значение совместной множественности.
3. «Подлежащее всегда имеет значение множественного числа» (Шевернина 1985: 142).

В итоге автор приходит к выводу о том, что суффикс *sgaa* является показателем «совокупно-множественного залога», а не глагольного вида или согласования. При этом необходимо иметь в виду, что ‘залог’ в данном случае имеет значение не маркированной диатезы, а «характеристики субъекта действия» (Шевернина 1985: 144).

В бурятском языке есть суффикс *sagaa/segee*, который, по мнению Дарбеевой (1997: 44), является показателем «учащательного вида»: *хэлсэгээ* ‘поговаривать’.

Аналогичные показатели зафиксированы в могольском (*cagha/cigha*) (Weiers 2003: 253) и монгорском (*qaghaa*, Georg 2003: 294) языках.

В калмыцком языке тоже существует факультативный показатель глагольной множественности *sla*. Считается, что этот суффикс выражает согласование подлежащего со сказуемым (см., например, Пюрбеев 1997). Очиров (1964: 31-32) приводит три случая, в которых сказуемое может «согласовываться» с подлежащим в числе:

1. если подлежащее выражено одушевленным существительным во мн.ч.;
2. если подлежащее выражено собирательным именем существительным;
2. если подлежащее выражено указательным местоимением мн.ч.

По материалам, собранным в ходе летней экспедиции 2006 года в респ. Калмыкия, можно отметить следующие особенности в употреблении суффикса *сха*:

- (1) Показатель множественного числа у субъекта может отсутствовать.
 adun teeg-är gүй-dhә jov-сха-na
 табун степь-INS бежать-CV.IPFV идти-PLR-PRS
 ‘Табун лошадей бежит по степи’

В преобладающем большинстве случаев субъект выражен собирательным именем существительным. Но есть редкие примеры, в которых субъект выражен не собирательным именем. Однако эти примеры не дают возможности с уверенностью утверждать, что суффикс *сха* не является показателем согласования по числу, поэтому этот вопрос остается открытым.

- (2) Суффикс *сха* не употребляется, если субъект является неисчисляемым именем.
 öskәlydür dala usәn * bәә-схә-lә
 вчера много вода быть-PLR-CONF
 ‘Вчера было много воды’
- (3) Суффикс *сха* может употребляться независимо от того, выражено ли подлежащее одушевленным или неодушевленным существительным.
 cholu-d sadәn dorә kevt-схә-nә
 камень-PL дерево под лежать-PLR-PRS
 ‘Камни лежат под деревьями’

Были замечены и многие другие особенности употребления *сха*, но они требуют более подробного изучения.

Выражение комитатива в калмыцком языке¹

Наталья Викторовна Перкова, СПбГУ

Ядерным значением комитатива как падежной граммемы является выражение «рол[и] второстепенного агенса, сопровождающего действия главного (*пришел с друзьями*) и / или объекта, который имеет при себе главный участник ситуации (*как настоящий англичанин, он спал с грелкой*)» (Плунгян 2000: 170).

¹В работе использованы материалы, собранные в рамках летней лингвистической экспедиции филологического факультета СПбГУ в поселок Ергенинский Кетченеровского района республики Калмыкия в 2006 г.

Падежная система калмыцкого языка располагает двумя падежами, способными выражать комитативное значение: в калмыковедческой лингвистической традиции они называются *соединительным* (comitative case²) и *совместным* (possessive, sociative case) падежами. Наличие двух «комитативных» падежей в калмыцком языке не является уникальным для монгольской семьи, но из них один падеж является первичным (а именно соединительный), а совместный падеж — более позднее образование, являющееся по происхождению словообразовательным аффиксом, образующим отыменные прилагательные.

«КОМИТАТИВНЫЕ» ПАДЕЖИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

название падежа	маркер
соединительный падеж	<i>la / lä</i> (см. пример (1))
совместный падеж	<i>ta / tä</i> (см. пример (2))

- (1) öckälydur asxən madən **tadən-la** sojl-in ger-tə jov-cxa-la-vədn
 вчера вечер мы.INCL вы-**COM** культура-GEN дом-DAT идти-PLR-CONF-1 PL
 ‘Вчера вечером мы с вами ходили в Дом Культуры’
- (2) Bidn **aq-ta-qan** ger-t-än ir-u-vədn
 мы.EXCL брат-**with**-P.REFL дом-DAT-P.REFL приходить-PST-1 PL
 ‘Мы с братом пришли домой’

Тот факт, что обоим падежам свойственно выражение комитативной функции (обозначение соучастия, совместности), заставляет их конкурировать между собой. Попытка разграничить случаи употребления каждого из этих падежей и является основной темой исследования.

Сочинительные комитативные конструкции оформляются только при помощи показателя совместного падежа (далее — посессива) и не оформляются при помощи соединительного падежа (далее — комитатива).

«Два однородных члена предложения соединяются в словосочетания при помощи совместного падежа, аффикс которого присоединяется ко второму из этих членов. Чаще всего это применяется, если однородные члены имеют противоположные или, наоборот, смежные значения» (Очиров 1964: 167).

- (3) Өвгн эмгтəһэн хөөнə хошд бəэнə, эгч дү күүктəһэн совхозин селəнд бəэнə.
 Старик со старухой живут на овцеводческой ферме, а сестра с сестренкой живут на главной усадьбе совхоза (Очиров 1964: там же)
- (4) teeg-är xö-də noxa-s-**ta** jov-dha-s-igə bi üz-dhä-nä-v
 степь-INS овца-PL собака-PL-**with** ходить-PROG-PC.PRF-ACC я видеть-PROG-PRS-SG
 ‘Я вижу, как по степи бродят овцы с собаками’ (=овцы и собаки)

Наблюдается устойчивая тенденция: вне зависимости от уровня (ИГ / предикации) и даже семантики «инициатора действия» употребление посессива очень часто зависит от семантики имени периферийной ИГ.

²В скобках — названия этих падежей по Bläsing 2003.

В связи с тем, что по происхождению показатель совместного падежа (посессива) является аффиксом, который обозначает обладание чем-либо, в его семантике осталась эта посессивность. Поэтому он употребляется при обозначении принадлежности кого-либо / чего-либо кому-либо / чему-либо, он маркирует отношения обладания, родства, свойства и т. п. Более того, семантика обладания существенно влияет на выбор падежного аффикса. Так, в калмыцком языке данный падежный аффикс (*ta/tä*) употребляется с такими словами, как *отец, мать, дядя, сестра, дети* (и другими терминами родства), *класс* (если дана точка зрения учителя), *гости, друг* и т. д., то есть все те участники ситуации, которые состоят в определенных семейных, дружеских и т. п. отношениях с субъектом действия, выраженным центральной ИГ.

- (5) eckə küükə-d-tä-qän naad-cha-na
отец ребенок-PL-with-P.REFL играть-PROG-PRS
'Отец играет с детьми'
- (6) bi üür-tä-qän urdh ödər kerld-snə xöönə näädhldə-v
я друг-with-P.REFL позавчерашний день ссориться-PC.PRF после дружить-PST
'Я помирился с другом позавчера'

На уровне ИГ³ употребляется посессив; на уровне предикации могут встречаться показатели обоих падежей

Посессив обладает более широкой дистрибуцией, чем комитатив. Количество контекстов, в которых возможно маркирование периферийной ИГ комитативом, ограничено.

Основным контекстом употребления комитатива является позиция аргумента на уровне предикации при глагольной словоформе во взаимном залоге (показатель *ld*). При этом «... если один из субъектов обозначен в дополнении, выраженном формой соединительного падежа, предмет-подлежащее выступает как инициатор действия (выделено мной — Н. П.), которое протекает взаимонаправленно со стороны обоих субъектов» (Санжеев 1983: 203).

- (7) bi ämt-lä / ??ämtn-tä künd-är tany-ldə-v
я люди-COM / люди-with трудный-INS узнавать-RECP-1SG
'Я с трудом знакоюсь с людьми'

Значения модальности независимого инфинитива в русском языке

Екатерина Александровна Пшехотская, МГУ

Проблема. В русском языке инфинитивные конструкции исключительно частотны и характерны. Каждая такая конструкция имеет свое модальное значение. Семантическая зона модальности многомерна и разнообразна и не случайно является одним из центральных предметов исследований в современной лингвистике.

³Про различные структурные уровни реализации множественного участника — см. Архипов 2005: 90.

В данном исследовании будет рассмотрен круг модальных значений, выражаемых при помощи независимого инфинитива в русском языке. В семантический анализ употреблений инфинитивов будут входить модальность, вид, отрицательность или вопросительность предложений.

Существует множество подходов к классификации модальных значений (Анна Зализняк & Падучева 1989, Sweetser 1990, Шатуновский 1996, Bybee et al. 1994, de Haan 2005 *inter alia*). В работе используется подход к системе модальных значений, изложенный в работах Bybee et al. 1994, Bybee 1998; система выглядит следующим образом.

ирреальная модальность			
внутренняя способность субъекта	отсутствие невозможности осуществления действия субъекта	эпистемическая модальность	внутренняя возможность совершения действия субъектом

Данные. Рассмотрим, как ведут себя инфинитивы в совершенном виде и несовершенном, в отрицательных и вопросительных предложениях, а также с разной модальностью.

Большинство инфинитивов русского языка употребляются как с глаголами в совершенном виде, так и в несовершенном виде. Однако существуют случаи употребления только одного вида.

- (1) а. Ей осенью поступать.
 б. *Ей осенью поступить.

Эти предложения имеют ирреальную модальность, они описывают ситуации, которые не имеют, не могут или не должны иметь места в реальном мире (Bybee 1998). В инфинитивных предложениях с показателем отрицания, глагол может стоять как в совершенном виде, так и в несовершенном.

- (2) а. Ей осенью не поступать.
 б. Ей осенью не поступить.

Модальные значения этих примеров несколько отличаются друг от друга. В примере (2а) субъект не имеет внутренних способностей для выполнения действия. В (2б) глагол стоит в совершенном виде, и модальность данного предложения другая: отсутствие невозможности осуществления субъектом действия, обозначенного инфинитивом. В вопросительных инфинитивных предложениях с данным примером глагол стоит только в несовершенном виде:

- (3) а. Ей осенью поступать?
 б. *Ей осенью поступить?

С эпистемической (говорящий уверен в сообщаемом) модальностью также находятся случаи употребления одного вида:

- (4) а. Тогда, получается, мне умирать завтра. (Fortuin 2004)
 б. *Тогда, получается, мне умереть завтра.

Более сложные модальные значения имеют следующие предложения.

- (5) а. Она мать — ей и решать, что делать.
 б. *Она мать — ей и решить, что делать.

В (5) совмещаются модальность внутренней возможности субъекта к совершению действия и эпистемическая модальность. Эти предложения описывают действия, которые находятся вне волевой инициативы субъекта.

Обсуждение. Основная гипотеза состоит в том, что источников модального значения предложения два: лексическая информация о глагольном виде и полярность клаузы. Как было показано в примерах, видовые пары ведут себя по-разному. Рассмотрим видовые пары в контексте выраженных модальных и фазовых глаголов.

Глагол в побудительной инфинитивной конструкции с *давай*, *хватит* может стоять только в несовершенном виде. Модальность этих инфинитивов ориентирована на агенса и имеет модальное значение желания.

- (6) а. Давай/хватит читать учебник.
 б. *Давай/хватит прочитать учебник.

Подобным образом ведут себя фазовые глаголы:

- (7) а. Вася начинает/заканчивает писать письмо.
 б. *Вася начинает/заканчивает написать письмо.

Глагол в повелительном наклонении *давай* имеет семантическое значение начинания, а *хватит* — семантику завершения, «заканчивания».

Заключение. Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что изучение инфинитивных конструкций без рассмотрения модальности представляется неполным. Анализ таких конструкций должен быть построен на соотнесении этих факторов. В докладе рассматриваются примеры, свидетельствующие о возможности соотнесения вида и модальности, и предлагаются возможные объяснения связи видовых характеристик с результирующим модальным значением.

АКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ И КАУЗАТИВОВ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Наталья Владимировна Рыбинцева, МГУ

Акциональные характеристики глаголов и образованных от них каузативов могут не совпадать и чаще всего не совпадают, так как структура ситуации, обозначаемой глаголом, отличается от структуры ситуации, обозначаемой каузативом, образованным от этого

глагола. Общая задача в этой связи — узнать, какие именно изменения претерпевает акциональная характеристика, и чем вызваны эти изменения. Материалом для исследований служит каузативизация в алтайском языке.

Рассмотрим для примера акциональную характеристику двух глаголов алтайского языка и каузативов, образованных от них.

Глагол *čij* ‘писать’ — слабый предельный глагол, в нотации, предложенной в Татевосов 2005 акциональную характеристику этого глагола можно представить как $\langle \{ES, P\}, \{P\} \rangle^1$.

- (1)
- a. ooloč eki čas pidžik čiji-di
мальчик два час письмо писать-PRT
‘Мальчик два часа писал письмо (но не дописал)’
 - b. ooloč eki čas-xa pidžik čiji-di
мальчик два часDAT письмо писать-PRT
‘Мальчик за два часа письмо написал’
 - c. ooloč pidžik čiji-bit
мальчик письмо писать-PRS
‘Мальчик (сейчас) пишет письмо’

От этого глагола образуется каузатив *čij-tyr*, которому можно приписать акциональную характеристику $\langle \{EP, ES, P\}, \{P\} \rangle$.

- (2)
- a. ana-m ooloč pis'mo čij-tir-di
мама-1SG мальчик письмо писать-CAUS-PRT
‘Мама сказала мальчику написать письмо’
‘Мама заставила мальчика начать писать письмо’
 - b. ana-m eki minut ooloč pis'mo čij-tir-di
мама-1SG две минута мальчик письмо писать-CAUS-PRT
‘Мама две минуты заставляла мальчика писать письмо’
‘Мама заставила мальчика две минуты писать письмо’
 - c. ana-m eki minut-xa ooloč pis'mo čij-tir-di
мама-1SG две минута-DAT мальчик письмо писать-CAUS-PRT
‘Мама за две минуты заставила мальчика писать письмо’
‘Мама заставила мальчика за две минуты написать письмо’
 - d. ana-m ooloč pis'mo čij-tir-bit
мама-1SG мальчик письмо писать-CAUS-PRS
‘Мама заставляет мальчика писать письмо’

То есть у каузатива появляется дополнительно акциональное значение вхождения в процесс, которого не было у исходного глагола.

Теперь рассмотрим стативный глагол *urta* ‘спать’ (акциональная характеристика $\langle \{S\}, \{S\} \rangle$),

¹Согласно Татевосов 2005, акциональная характеристика глагола — это множество множеств семантических ярлыков, в котором каждый элемент этого множества соответствует комбинации глагола с грамматическим показателем. Возможные семантические ярлыки: S — состояние, P — процесс, ES — вхождение в состояние, EP — вхождение в процесс, MP — мультипликативный процесс.

- (3) a. qozydžaX eki minut urta-dy
 девочка два минута спать-PRТ
 ‘Девочка две минуты спала’
- b. qozydžaX eki minut-Xa urta-dy
 девочка две минута-DAT спать-PRТ
 ‘Девочка на две минуты уснула’
 *‘Девочка за две минуты уснула’
 *‘Девочка за две минуты выпалась’
- c. qozydžaX urta-byt
 девочка спать-PRS
 ‘Девочка спит’

— и каузатив *urta-dyr*, образованный от этого глагола (акциональная характеристика $\langle\{ES, P\}, \{P\}\rangle$).

- (4) a. awa-m qozydžaX-ty urta-dyr-byt
 отец-1SG девочка-ACC спать-CAUS-PRS
 ‘Отец усыпляет девочку’
- b. awa-m qozydžaX-ty eki minut-Xa urta-dyr-dy
 отец-1SG девочка-ACC две минута-DAT спать-CAUS-PRТ
 ‘Отец за две минуты усыпил девочку’
- c. awa-m qozydžaX-ty eki minut urta-dyr-dy
 отец-1SG девочка-ACC две минута спать-CAUS-PRТ
 ‘Отец две минуты усыплял девочку’

У каузатива появляются дополнительные акциональные значения процесса и значение вхождения в описываемое исходным глаголом состояние.

Следует заметить, что от глагола *čij* ‘писать’ образуется дистантный каузатив (о различии контактных и дистантных каузативов см. Лютикова et al 2006), то есть он описывает ситуацию, состоящую из двух подситуаций: ситуации каузации и каузируемой ситуации. Если рассматривать их акциональные характеристики отдельно, всему каузативу *čij-tyr* можно приписать сложное акциональное значение $\langle\{ES1, P1\}, \{P1\}\rangle, \langle\{ES2, EP2, P2\}, \{P2\}\rangle$, где P1 — каузирующий процесс, P2 — каузируемый процесс, ES2 — результирующее состояние, достигаемое по завершении каузируемого процесса, ES1=EP2 — предел каузирующей ситуации является одновременно инициацией каузируемого процесса. С другой стороны, ситуация каузации не выделяется особо, и ее акциональная характеристика сливается с акциональной характеристикой каузируемой ситуации, так что в целом каузативу *čij-tyr* удобнее приписывать акциональную характеристику $\langle\{EP, ES, P\}, \{P\}\rangle$, где EP — это начало «каузируемого» процесса, обусловленное успешным достижением предела каузирующей ситуации.

От глагола *urta* ‘спать’ образуется контактный каузатив, то есть он описывает цельную ситуацию, которую нельзя разделить на каузирующую и каузируемую подситуации. Следовательно, приписать этому каузативу сложную акциональную характеристику, подобную той, которая приписывается каузативу от глагола *čij* ‘писать’, нельзя. Акциональную характеристику каузатива $\langle\{ES, P\}, \{P\}\rangle$ можно объяснить следующим образом: ES — это

достижение предела ситуации, переход в состояние, описываемое исходным глаголом, Р — это процесс каузации, который не выделяется особо, и следовательно, не выделяется особо каузируемое состояние (поэтому акционального значение S в характеристике этого каузатива нет).

Таким образом, акциональные значения, появляющиеся у каузативов в отличие от акциональных значений глаголов, от которых они были образованы, можно объяснить, во-первых, тем, что каузация — это всегда процесс, причем предельный, так как недостижение процессом каузации своего успешного завершения означает невозможность наступления каузируемой ситуации. Но изменения, происходящие с глаголами, от которых образуются контактные и дистантные каузативы, различны: дистантные каузативы привносят значение вхождение в процесс, обозначаемый исходным глаголом, а контактные каузативы привносят значение процесса каузации, которое заменяет значение исходного глагола, и предел всей ситуации, если исходный глагол — не предельный.

Семантика конструкции типа «взять и сделать» в русском языке

Наталья Марковна Стойнова, МГУ

В докладе будет рассмотрена семантика русской конструкции «взять и сделать», лексические ограничения на употребление глаголов в этой конструкции, возможность и семантические особенности разных грамматических форм этой конструкции.

1. Классификация контекстов и уточнение семантики конструкции «взять и сделать»

Семантику конструкции «взять и сделать» можно в общих чертах определить следующим образом:

Ситуация X противоречит некоторым ожиданиям или предположениям о дальнейшем развитии предшествовавших ей событий.

Связать значение обмана ожиданий с семантикой глагола «брать», послужившего для этой конструкции источником грамматикализации, можно следующим образом: Субъект ситуации «берет» ее в свои руки и заставляет развиваться не по тому пути, который представлялся закономерным, ожидаемым, а совсем по другому.

Часто соответствующие ожидания и предположения или основания для них эксплицитно выражаются в предшествующем дискурсе, причем обычно более-менее единообразно. По данным Корпуса¹ (рассматриваются формы прошедшего времени 3 лица, наиболее частотные и естественные для данной конструкции) была составлена подробная классификация частных значений конструкции «взять и сделать» с характерными для каждого стандартными контекстами. Например:

¹Использованные примеры взяты из Национального Корпуса Русского языка, <http://www.ruscorpora.ru>.

Ситуация противоречит ожиданиям, исходя из предшествующих действий Субъекта ситуации:

не делал, не делал, а потом вдруг взял и сделал X
делал, делал X, а потом вдруг взял и перестал

- (1) ... мы ведь были с ним формально разведены уже лет пять назад, только оба не платили за развод, помирившись на простом совместном проживании как у мужа и жены и без претензий, жили вместе, как живут все, а тут он, оказывается, взял и заплатил за развод... (Людмила Петрушевская. *Свой круг*, 1987)

Ситуация противоречит ожиданиям, исходя из действий других лиц в аналогичной ситуации:

другие (все, кто-то) не делают (не могут, не хотят) X, а он взял и сделал X
другие (все, кто-то) делают противоположное, а он взял и сделал X

- (2) — Люди просят, чтобы я оставил их на земле подольше, а ты взяла и ушла сама. (Виктория Токарева. *Счастливы конец*, 1964—1994)

Полная классификация будет представлена в докладе.

2. Классы глаголов, употребляемых в конструкции «взять и сделать»

В докладе будут рассмотрены лексические ограничения, характерные для конструкции «взять и сделать», в частности ограничения на сочетаемость с неконтролируемыми глаголами. Этот семантический класс интересен тем, что в целом семантика конструкции «взять и сделать» предполагает наличие волитивного субъекта. Тем не менее, конструкция с такими глаголами в некоторых случаях возможна.

Неконтролируемые глаголы распадаются в этом отношении на два класса: глаголы с неодушевленным актантом vs. глаголы с одушевленным актантом. Актант первых в принципе не наделен волей, актант же вторых в принципе волей наделен, но не может ее реализовать в данной ситуации.

1. Глаголы с неодушевленным актантом (типа *разбиться, зацвести*) употребляются в конструкции «взять и сделать» практически без ограничений. При этом семантика конструкции в этом случае не вполне тождественна описанной выше, скорее она ближе к семантике наречия «вдруг» (неожиданное действие, возможно, с минимумом изначальных презумпций о нем). По данным Корпуса, наиболее частотна конструкция с глаголами деструкции (типа *испортиться, сломаться*).
2. Не все неконтролируемые глаголы употребляются в конструкции «взять и сделать». Например, затруднена или требует специального контекста конструкция с глаголами восприятия (*увидеть, услышать, почувствовать*). Затруднена конструкция с глаголами, выражающими пассивное действие, обусловленное агентивным действием третьего лица (типа *получить письмо*). Наиболее частотна конструкция с глаголами болезни, смерти (ситуация симметричная ситуации с классом глаголов с неодушевленным актантом).

В докладе эти и другие лексические ограничения будут рассмотрены подробнее.

3. Конструкция «взять и сделать» в глагольной парадигме

3.1. Конструкция «взять и сделать» с субъектом 1 лица

Выделенным случаем кажется *a priori* употребление конструкции «взять и сделать» в предложениях с субъектом 1 лица, то есть в ситуации, когда субъект совпадает с Говорящим. Естественной кажется ситуация, когда говорящий делает предположения о чужих действиях, а потом эти предположения оказываются неверными. Это противоречие снимается в следующих ситуациях:

- действия Говорящего противопоставлены ожиданиям других персонажей дискурса или Слушающего;
- невольные действия Говорящего неожиданны для него самого;
- «я» нарратива не вполне отождествляется с Повествователем.

3.2. Конструкция «взять и сделать» в императиве

Особый случай представляют собой многочисленные употребления форм императива конструкции «взять и сделать» в значении прошедшего времени.

- (3) А один наш мастер возьми и подсунь в то число Иванковых коньков. (П. П. Бажов. *Иванко Крылатко*, 1943)

В собственно императивном значении эти формы также употребляются.

- (4) И ты сама, вместо того чтобы притворяться испуганной, возьми и поцелуй меня, потому что тебе этого так же хочется, как и мне. (Валерий Брюсов. *Обручение Даши*, 1913)

Прагматически странным кажется предложение сделать что-то не соответствующее твоим ожиданиям. Специфика семантики императивных форм конструкции «взять и сделать» будет рассмотрена в докладе подробнее.

3.3. Конструкция «взять и сделать» в будущем времени

С помощью конструкции «взять и сделать» выражаются в основном значения зоны будущего с наибольшим компонентом гипотетичности. Например, невозможна конструкция «берет и делает» со значением запланированного будущего.

- (5) а. Завтра Петя едет в Москву за учебниками. (М. М. Пришвин. *Дневники*, 1927)
 б. ??? Завтра Петя берет и едет в Москву за учебниками.

Видимо, это можно объяснить тем, что степень уверенности в совершении в будущем действия, противоречащего ожиданиям, заведомо низка.

3.4. Конструкция «брать и делать»

Соответствующая конструкция с глаголами несовершенного вида употребляется гораздо реже, чем с глаголами совершенного вида, и имеет далеко не весь спектр значений, характерный для одиночных глаголов несовершенного вида.

3.4.1. Формы индикатива

- В частности конструкция «брать и делать» не имеет актуально-длительного значения, возможно за исключением редких примеров, признаваемых не всеми носителями:

(6) Смотри, опять песок ест! Берет и ест!

- Индикативные формы конструкции «брать и делать» употребляются в большинстве случаев со значением многократности (многократное завершённое действие):

(6) Раньше его милиционер просто брал и отводил к наркологу... (Алексей Лужбин. *Цифра Паукова* // «Столица», 1997.06.17)

- В Корпусе встречаются также примеры со значением настоящего иллюстративного и настоящего исторического.
- Интересно, что конструкция «брать и делать» не может иметь общефактического значения:

(7) ??? Он, оказывается, однажды брал и прыгал с парашютом.

Возможное объяснение состоит в том, что общефактическое значение предполагает главный акцент на констатации факта (важно, было действие или не было), а конструкция «взять и сделать» неизбежно смещает этот акцент на неожиданность действия (при этом сам факт совершения действия часто имеет статус данного, что никак невозможно в общефактическом контексте).

3.4.2. Формы императива

Возможны формы императива от конструкции «брать и делать», причем не обязательно со значением многократности:

(8) «Бери и снимай, раз ты такой умный!» — рассердился папа. (Мария Варденга. *Стивен Спилберг. Близкий контакт третьего типа* // «Домовой», 2002.10.04)

Соотношение СВ и НСВ императива в целом устроено в русском языке иначе, чем для прочих форм СВ vs. НСВ. Судя по данным Корпуса, с помощью конструкции «брать и делать» в императиве выражаются в основном речевые акты настойчивого побуждения (особенно ситуация, когда собеседник колеблется) и разрешения. Это, с одной стороны, речевые акты, входящие в набор предпочтительно выражаемых НСВ, с другой стороны — наиболее совместимые с семантикой конструкции «взять и сделать».

Императивные формы «брать и делать» употребляются также часто в контексте «хоть бери и делай», вполне сочетающемся с общей семантикой «взять и сделать»: Говорящий считает действие X в принципе неуместным, но обстоятельства таковы, что некоторая возможность его все же допускается.

(9) Мне стало так тошно, такая тоска, что хоть бери и твякай. (Анатолий Кузнецов. *Бабий яр, 1965—1970*)

3.4.3. Инфинитив

Возможно также употребление конструкции «брать и делать» в инфинитиве, особенно частотны инфинитивы от «брать и делать» в контексте модальных операторов:

- (10) ... а нужно действительно брать и идти. (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Самара (2003.12.23) // ФОМ)

Литература

- Архипов А. В. (2004а). Типология комитативных конструкций. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М.
- Архипов А. В. (2004б). «Языки 'AND' и языки 'WITH': сколько делений бывает на бинарной шкале?» // Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24-25 сентября 2004 г.). — СПб.: Наука. 17-21.
- Архипов А. В. (2005). «К типологии комитативных конструкций. Часть I. Определение и формальная типология» // Вопросы языкознания, № 4. 76-100.
- Бердичевский А. С., Б. Л. Иомдин. «Роль пунктуации в разрешении неоднозначности», готовится к печати.
- Богданов А. В. (2005). «Сложные слова в русском языке: лексические или синтаксические ограничения?» // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, Материалы, Санкт-Петербург.
- Булыгина, Т. В. (1982). К построению типологии предикатов в русском языке. // О. Н. Селиверстова (ред.), Семантические типы предикатов. М. 7-85.
- Гишев, Н. Т. (1989). Глагол адыгейского языка. М.: «Прометей».
- Гордина, М. В., И. С. Быстров (1984). Фонетический строй вьетнамского языка. М.: Наука, 1984
- Грунтова, Е. С. (2006). «Регулярные модели управления русских приставочных дериватов» // Материалы конференции «Диалог».
- Дарбеева, А. А. (1997). «Бурятский язык» // В. М. Алпатов и др. (ред.). Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-манчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик. 37-51.
- Зализняк, Анна А., Е. В. Падучева (1989). Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Н. Д. Арутюнова (ред.), Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука.
- Зекох, У. С. (2002). Адыгейская грамматика. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002.

- Златоверхова, В. Г. (1966). Фонетика бирманского литературного языка. М.: Наука.
- Исаченко, А. В. (1960). Грамматический строй русского языка. Морфология II. Братислава.
- Керашева, З. И. (1995a). Проблема аспекта и способа действия в финитных и инфинитных глаголах в адыгских языках // З. И. Керашева. Избранные труды и статьи. Майкоп: АРКИ, 286-290.
- Керашева, З. И. (1995b). Аспектуальные аффиксы и их роль в выражении способов действия в адыгских языках // З. И. Керашева. Избранные труды и статьи. Майкоп: АРКИ, 290-297.
- Кумахов, М. А. (1971). Словоизменение адыгских языков. М.: «Наука», 1971.
- Лютикова, Е. А., С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский (2006). Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН.
- Маслов, Ю. С. (1978). К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю.С. Маслов (ред.), Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: ЛГУ, 4-44
- Орехова, Н. Н. (2001). Пунктуационная система языка: формирование и динамика развития (автореф. дисс. ... д.ф.н.).
- Очиров, У. У. (1964). Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: Калмгосиздат.
- Падучева, Е. В. (1996). Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.
- Падучева, Е. В. (2004). Динамические модели в семантике лексики. М.: «Языки славянских культур».
- Плунгян, В. А. (2000). Общая морфология. М.: УРСС.
- Плунгян В. А., Е. В. Рахилина (1998). «Парадокс валентностей» // Семиотика и информатика. Вып. 36. М. 108-119.
- Пюрбеев, Г. Ц. (1997). «Калмыцкий язык» // Алпатов, В. М. и др. (ред.). Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-манчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик. 73-87.
- Рogaва, Г. В., З. И. Керашева (1966). Грамматика адыгейского языка. Краснодар—Майкоп: Краснодарское книжное издательство.
- Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. М., 1996.
- Санжеев, Г. Д. (ред.) (1983). Грамматика калмыцкого языка. Фонетика. Морфология. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

- Татевосов, С. Г. (2005). «Акциональность: типология и теория» // Вопросы языкознания, 1. 108-141.
- Шатуновский, И. Б. (1996). Семантика предложения и нереферентные слова. М.: ЯРК.
- Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука.
- Шевернина, З. В. (1985). «Глагольный суффикс цгаа в современном монгольском языке» // Санжеев, Г. Д. (ред.) Монгольский лингвистический сборник. М.: Наука. 140-145.
- Baker, M. (1988). *Incorporation: A theory of grammatical function changing*, Chicago, University of Chicago Press.
- Бао, З. (1990). On the nature of tone. PhD diss., MIT.
- Blasing, U. (2003). *Kalmuck* // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge.
- Bradley, D. (1982). «Register in Burmese» // Bradley, R. (ed.) *Tonation*. Canberra: ANU.
- Brown, S. (1999). *The Syntax of Negation in Russian: A Minimalist Approach*.
- Bybee, J. (1998). «Irrealis» as a grammatical category. *Anthropological Linguistics* 40. 257-271.
- Bybee, J., R. Perkins, W. Pagliuca. (1994). *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the language of the world*. Chicago: University of Chicago Press.
- Carlson, G. & Pelletier, J. (eds.) (1995). *The Generic Book*, The University of Chicago Press, Chicago.
- Chierchia, G. (1984). *Topics in the syntax and semantics of infinitives and gerunds*. Ph.D. thesis, University of Massachusetts, Amherst.
- CRTC 2006 — Canadian Radio-television and Telecommunications Commission. Telecom Decision CRTC 2006-45.
<http://www.crtc.gc.ca/archive/ENG/Decisions/2006/dt2006-45.htm>
- Dahl, O. (1985). *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell.
- Dahl, O. (ed.) (2000). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. (EUROTYP, Vol. 6). Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Di Sciullo, A. M., R. Slabakova (2001). «Quantification and Aspect».
- Dowty, D. (1985) «On Recent Analyses of the Semantics of Control» *Linguistics and Philosophy* 8. 291-231.
- Dudas, K. M. (1968). *The phonology and morphology of Modern Javanese*. PhD diss, University of Illinois.

- Filip, H. (2004). Prefixes Verbs and Interpretation of Bare Arguments. LSA Meeting, Draft.
- Fortuin, E. (2004). Modality in Slavonic Languages. New Perspectives. Munchen: Otto Sagner.
- Georg, S. (2003). «Mongghul» // J. Janhunen (ed.), The Mongolic languages. London: Routledge. 286-306.
- Green, A. (1994). Word, foot and syllable structure in Burmese // Working papers of the Cornell phonetics laboratory 10. 67-96.
- Green, A. D. (1996a). Stress placement in Munster Irish. Draft.
- Green, A. D. (1996b). Some effects of the weight-to-stress principle and grouping harmony in the Goidelic languages.
- Green, A. D. (1997). The Prosodic Structure of Irish, Scots Gaelic, and Manx.
- Güven, M. (2004). Adverbials in Turkish: The Third Parameter in Aspectual Interpretation. PhD Dissertation, Bogazici University.
- de Haan, F. (2005). Typological approaches to modality. // W. Frawley (ed.), Modality. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Harves, S. (2006). «Non-agreement, Unaccusativity, and the External Argument constraint» // Formal Approaches to Slavic Linguistics 14, The Princeton Meeting.
- Haspelmath, M. (1993). «More on typology of inchoative/causative verb alternations». // B. Comrie, M Polinski (edc.). Causatives and Transitivity. Amsterdam/Philadelphia. 87-120.
- HCRC 1996 — Abstracts of HCRC Workshop Proceedings.
<http://www.hcrc.ed.ac.uk/publications/abstracts-wp.html>
- Kazenin, K. I. (ms). «Polarity in Russian and Typology of Predicate Ellipsis».
- Larson, R., M. den Dikken and P. Ludlow (1997). «Intensional Transitive Verbs and Abstract Clausal Complementation», manuscript. SUNY Stony Brook.
- McCarthy, J., A. Prince (1993). Prosodic morphology: Constraint interaction and satisfaction.
- Montague, R. (1973). «The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English» // J. Hintikka, J. Moravcsik, P. Suppes (eds.), Approaches to Natural Language, Reidel, Dordrecht, pp. 221-42.
- Okell, J. (1969). A reference grammar of Colloquial Burmese. London: OUP.
- Partee, B. (1974). «Opacity and Scope» // M. Munitz and P. Unger (eds.), Semantics and Philosophy, New York: New York University Press.81-101.
- Prince, A., Smolensky, P. (1993). Optimality Theory: constraint interaction in generative grammar, Rutgers University technical report.

- Ramchand, G. C. (2004). «Time and Event: the Semantics of Russian». // Nordlyd 32.2. Special issue on Slavic prefixes. 323-361.
- Rimell, L. (2004). «Habitual Sentences and Generic Quantification» // Proceedings of the 23rd West Coast Conference on Formal Linguistics (pp. 663-676).
- Romanova E. (2004). «Lexical and Superlexical prefixes».
- Rosenbaum, P. (1967). The grammar of English predicate complement constructions. Cambridge, MA: MIT Press.
- Spencer, A., M. Zaretskaya (1998a). «Verb prefixation in Russian as lexical subordination», Linguistics. Vol. 36, No. 1, 1-39.
- Spencer, A., M. Zaretskaya (1998b). «Pri-prefixation in Russian», Journal of Slavic Linguistics. Vol. 6, No. 1, 107-135.
- Sweetser, E. (1990). From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge: CUP.
- Tatevosov, S. G. (2002). The parameter of actionality // Linguistic Typology. V. 6. No. 3, 317-401.
- Vendler, Z. (1967). Verbs and times // Z. Vendler. Linguistics in Philosophy. Ithaca, New York: Cornell University Press, 97-121.
- Verkuyl, H. (1989). Aspectual classes and aspectual composition // Linguistics and Philosophy. V. 12. No. 1, 39-94.
- Weiers, M. (2003). «Moghol» // Janhunen, Juha (ed.). The Mongolic languages. London: Routledge. 248-264.
- Wheatley, J. K. (1987). Burmese // Comrie, B. (ed.) The world's major languages. Oxford: OUP.
- Yip, M. (2002). Tone. Cambridge: CUP.